

стью масс, которые перестали считать дела государства и местные своими, и которые руководствуются соображениями типа «лишь бы хуже не было». Но остается фактом то, что несмотря на изменчивость множества вопросов социального и властного характера, взаимодействие представительной и исполнительной власти обеспечило определенную стабильность и открыло новые перспективы для реализации идеи правового государства и гражданского общества через реформирование системы представительства на всех уровнях публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. – М., 2000.
2. *Гулиев В.Е.* Становление и развитие парламентаризма // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 122-123.
3. *Лебедев В.А., Киреев В.В.* Политические партии и проблемы современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 6. – С. 12-15.
4. *Санова Л.Т.* Участие депутата представительного органа местного самоуправления в нормотворческой работе // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 89-91.

Статью рекомендовала к опубликованию д.ф.н. О.А. Андреева.

Земченков Николай Федорович

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: Zemchenkovn@list.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371631.

Кафедра гражданского права; к.ф.н.; доцент.

Zemchenkov Nikolai Fedorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: Zemchenkovn@list.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371631.

The Department of Civil Law; Cand. of Phil. Sc.; Associate Professor.

ББК 67.3

В.В. Клочков

РЕФОРМАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ АНГЛИЙСКОЙ МОНАРХИИ

Статья посвящена рассмотрению Реформации как фактора эволюции институтов английской монархии, в том числе административного аппарата и королевской прерогативы. Реформация рассматривается как уникальный комплекс предпосылок, сделавший возможным появление новых государственных институтов и новых принципов государственного управления. Автор подробно рассматривает состояние казны, доходы и расходы английских королей XVI в. и первой половины XVII веков в контексте трансформации английского абсолютизма. Особое внимание уделяется патронату как специфическому инструменту обеспечения королевской политической гегемонии.

Династия Тюдоров; династия Стюартов; королевская прерогатива; Реформация; парламентский налог; патронаж.

V.V. Klochkov

THE REFORMATION AND THE EVOLUTION OF INSTITUTIONS OF ENGLISH MONARCHY

An article considers the Reformation as a factor in the evolution of institutions of the English monarchy, including the administrative apparatus and the royal prerogative. The Reformation is considered as a unique set of backgrounds, which made the emergence of new institutions and new principles of public administration possible. Author examines state of treasury, royal income and expenditure in XVI – early XVII centuries in the context of transformation of English absolutism in detail. Special attention is given to the patronage as a specific instrument providing a royal political hegemony.

The royal Tudor dynasty; the royal Stuart dynasty; royal prerogative; the Reformation; parliamentary taxation; patronage.

Большинство современных исследователей, опираясь на традицию, идущую от М. Вебера, называют Реформацию решающим фактором и своего рода стартовой линией в процессе формирования современного государства [1]. Но в отличие от М. Вебера, современные авторы не склонны видеть в Реформации исключительно идеологическое явление, оказавшее влияние в первую очередь на социальную психологию. Более того, настоятельно подчеркивается, что Реформация не столько изменила социальную психологию подданных английской короны, сколько зафиксировала или, говоря точнее, позволила благодаря открывшимся возможностям зафиксировать те изменения в экономическом поведении и в системе производственных отношений, которые происходили в английском обществе в этот период [2].

То, каким образом были использованы средства, полученные от экспроприации монастырских земель, позволяет во многом понять и объяснить не только процесс становления английской модели современного государства, но и специфику английского абсолютизма.

Реформация Генриха VIII вызвала в стране вспышку ограниченного внутреннего мятежа. Королю пришлось приложить немало усилий, чтобы стабилизировать ситуацию на институциональном уровне, поскольку после изгнания клириков из парламента была фактически уничтожена крупнейшая фракция, всегда приверженная короне. Особенно это касается палаты лордов, где до реформации клирики составляли практически большинство [3, 4]. Для восстановления *status quo* Генриху VIII пришлось прибегнуть к масштабной распродаже конфискованного имущества. О том, какое значение и какие масштабы имел этот процесс, свидетельствуют следующие цифры. Ординарные доходы Генриха VIII, т. е. средства, полученные с утвержденного парламентом налога в рамках ординарной прерогативы, составили в 1539–1547 гг. £ 658 200. Доход от десятины и пятнадцатины в рамках феодальной прерогативы в тот же период составил £ 180 000. Еще £ 478 000 дала предоставленная парламентом субсидия на военные нужды в рамках экстраординарной прерогативы. Таким образом, суммарные доходы Генриха VIII составили в этот период £ 1 316 200, причем треть из них составляла субсидия на военные нужды, которая не была бы предоставлена в мирное время. Собственно доходы монарха составили £ 838 200 [5, 6].

В то же самое время военные расходы Генриха VIII на неудачную военную кампанию во Франции в 1539 г. составили £ 2 134 000 [5]. Образовавшийся дефицит в более чем £ 800 000 пришлось покрывать путем продажи конфискованных монастырских земель, которая принесла в 1535–1547 гг. £ 789 400 [7]. Таким образом, практически весь дефицит был покрыт из экстраординарного источника. При этом были распроданы $\frac{3}{4}$ земельных угодий, конфискованных у монастырей [3].

Но это только часть проблемы. Дело в том, что продажа столь крупной земельной собственности в короткие сроки неизбежно приводила к ее обесцениванию. По самым скромным оценкам, если бы эти земельные владения были проданы за полную стоимость, равную примерно цене 20-летней ренты, короне удалось бы выручить примерно £ 2 000 000. Иначе говоря, для покрытия дефицита достаточно было распродать $\frac{1}{4}$ конфискованных земель, а не $\frac{3}{4}$ [2]. С другой стороны, сумей корона сохранить эти земли нераспроданными, Генрих VIII мог бы получать до £ 200 000 ежегодно в качестве дохода с королевских поместий. Это могло бы обеспечить ему полную независимость от парламента, поскольку в то время средняя ежегодная сумма налога, взимаемого парламентом, не превышала £ 56 000.

Сложно сказать, как развивались бы события в этом случае, но очевидно одно: если Генрих VII (1485–1509) еще был способен управлять страной за счет средств, получаемых от доменных земель короны, то его наследник делать это был уже не в состоянии. Доходы Генриха VII с десятины и пятнадцатины составили в 1491–1500 гг. £ 136 700, а доходы от парламентского налога за то же время – £ 166.700, т. е. сопоставимые суммы. Военные расходы составили тогда £ 107 600, а фактически меньше, поскольку для их покрытия была выделена парламентская субсидия в £ 30 000 [5].

Тем не менее, ликвидировав дефицит за счет продажи имущества монастырей, Генрих VIII сумел создать финансовую базу для появления государства нового типа. Ее составили церковные налоги в размере £ 712 200, конфискованная казна монастырей, оцениваемая в £ 79 500, а также доход с оставшихся нераспроданными монастырских поместий в размере £ 525 100 [6]. Таким образом, в период с 1535 г. по 1547 г., несмотря на масштабные военные расходы, в руках английской монархии оказалось приблизительно £ 1 300 000, или в среднегодовом исчислении около £ 110 000, что вдвое превышало среднегодовой парламентский налог в это же время [8].

То, как были потрачены эти деньги, объясняет многое в специфическом развитии английских политических институтов раннего Нового времени. Если Генрих VIII потратил $\frac{3}{4}$ доходов от Реформации на покрытие военных расходов, то для его наследников Эдуарда VI (1547–1553), Марии I (1553–1558) и Елизаветы I (1558–1603) главной статьей расходов стал патронат, в достаточно короткие сроки поглотивший оставшиеся экстраординарные доходы.

Отмечено, что уже к началу правления Елизаветы I королевские земельные владения вернулись к своему дореформенному уровню, составляя примерно $\frac{1}{10}$ часть маноров всей страны. Источник экстраординарных доходов был исчерпан, а дальнейшая распродажа земельных владений привела к тому, что к 1640 г. корона владела не более чем 2 % всех английских маноров [9].

Инструментом обеспечения политической гегемонии английской короны, компенсирующим эти потери, был патронат во всех его проявлениях: продажа дворянского звания, денежные пожалования, выгодные синекуры. В период правления Елизаветы I на него было истрачено £ 471 000, причем количество тех, кто получал более £ 10 000, составило 18 человек. При Якове I траты на патронат составили астрономическую сумму в £ 2 174 000, или более £ 107 000 ежегодно, а количество получивших более £ 10 000, составило 45 человек. Уже в конце первой трети XVII в. траты на патронат превысили доходы королевской казны из всех возможных источников [7]. Поэтому при Карле I объем патронажных трат резко снизился, что неудивительно также и потому, что парламент отказал ему в потонном и пофунтовом сборах. За 11 лет беспарламентского правления на эти цели

было истрчено £ 329 000, причем более £ 10 000 получили всего 5 человек. Всего же 9 человек получили 45 % суммарной стоимости патроната, а еще 25 человек получили 20 % [7].

Становится очевидно, что монархи династии Тюдоров, сознательно или нет, купили себе беспрецедентную политическую гегемонию на уровне всей страны. Большая часть пэров и джентри стали собственниками земель или десятины, некогда принадлежавшей монастырям на условиях, не имеющих ничего общего с рыцарским держанием. Королевские суды и коллегии мировых судей в графствах получили юрисдикцию по сбору и распределению дисциплины, некогда принадлежавшую церковным судам [4, 10]. Новые финансовые возможности, открытые Реформацией, породили совершенно особую идентичность пэров и джентри, направивших свою политическую активность на королевский двор в стороне от своих графств. Расходы на патронат пришли на смену военным тратам в качестве основной статьи расходов в королевских финансах.

Итак, влияние Реформации на институты английской монархии в действительности оказывается более глубоким и не ограничивается появлением англиканской церкви и утверждением английского монарха в качестве ее главы. Реформация создала уникальную ситуацию, когда резкое и одномоментное повышение доходов английской короны сделало возможным появление новых государственных институтов и новых принципов государственного управления, трансформировавших средневековую монархию в прообраз современного государства. Благодаря уникальности сложившегося положения вещей английские монархи династии Тюдоров получили в свои руки компактный и потому эффективный аппарат управления, способный стать проводником ординарной королевской прерогативы, представление о которой сформировалось в это время. Сложно утверждать, подобно тому, как это делал Л. Стоун, что за счет доходов, полученных во время Реформации, английским монархам удалось купить гегемонию на уровне страны, но то обстоятельство, что в английском варианте именно патронат стал эффективной системой обеспечения консенсуса, дополняющих административные нововведения Тюдоров, опровергнуть трудно. Смысл этих нововведений со всей очевидностью кроется в формировании инструментария, посредством которого могла быть реализована на практике ординарная прерогатива английских монархов.

Таким образом, эволюция институтов английской монархии при Тюдорах и первых Стюартах выглядит весьма своеобразно. Влияние Реформации на этот процесс в действительности оказывается более глубоким и не ограничивается появлением англиканской церкви и утверждением английского монарха в качестве ее главы. В результате Реформации сложилось уникальное в своем роде положение вещей, когда резкое повышение доходов английской короны сделало возможным появление новых государственных институтов и новых принципов государственного управления, трансформировавших средневековую монархию в прообраз современного государства. Английские монархи династии Тюдоров получили в свои руки компактный и эффективный аппарат управления, способный стать проводником ординарной королевской прерогативы, представление о которой сформировалось в это время. Английским монархам удалось обеспечить гегемонию на уровне страны, опираясь не столько на административный аппарат, сколько на развитую систему патроната, который стал эффективным средством обеспечения консенсуса. Именно в этом коренятся отмечаемые специалистами особенности английского «абсолютизма».

Такая ситуация сохранялась до первой четверти XVII в., когда английская корона, исчерпав средства, полученные в ходе Реформации, оказалась вынуждена обратиться к парламенту за новыми субсидиями. В ходе конституционного кон-

фликта, результатом которого стала революция середины XVII в., созданный Тюдорами административный аппарат и королевская прерогатива подверглись трансформации. Изменения, внесенные революцией в институциональную структуру английской монархии, оказались не столь значительными, как представлялось, и объяснить это обстоятельство последующей реставрацией можно лишь отчасти. Традиционный взгляд на события той эпохи как на процесс разрушения парламентом аппарата английского королевского абсолютизма, нуждается в корректировке и уточнении. Изменения носили более системный характер: упразднялись органы и юрисдикция, реализующие на практике экстраординарную королевскую прерогативу. С ординарной прерогативой дело обстояло сложнее: воплощенные в ней полномочия перераспределялись в пользу парламента, и характер этого процесса способен прояснить многое в событиях 1688–1689 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. – М., 1990. – С. 124.
2. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. – М., 2010. – С. 190-192.
3. Hill С. Economic Problems of the Church. – Oxford, 1963. – P. 3-5.
4. Houlbroock R. The Decline of Ecclesiastical Jurisdiction under the Tudors / Continuity & Change. Ed. by R. O'Day & F. Heal. – Leicester, 1976. – P. 230-257.
5. Dietz F. English Public Finance, 1558-1641. – L., 1964. – P. 137-143.
6. Schofield R.S. Parliamentary Lay Taxation, 1485-1547 / PhD Thesis. – Cambridge, 1963. – P. 360-361, 415-416.
7. Schofield R.S. Parliamentary Lay Taxation, 1485-1547 / PhD Thesis. – Cambridge, 1963. – P. 141; 445.
8. Cooper J.P. In Search of Agrarian Capitalism // Past & Present. – 1978. – Vol. 80. – P. 20-65.
9. Stone L. The Crisis of the Aristocracy. – Oxford, 1965. – P. 775.
10. Sommerville C.J. The Secularization of Early Modern England. – Oxford, 1992. – P. 111-128.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор А.Ю. Мордовцев.

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: klochkov@tsure.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371427.

Кафедра теории права; к.и.н.; доцент.

Klochkov Victor Victorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: klochkov@tsure.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371652.

The Department of Law Theory; Cand. of Hist. Sc.; Associate Professor.